

Премьера "Самсона и Далилы" в нью-йоркской "Метрополитен-Опера" была по идее бенефисом прославленного тенора Пласидо Доминго в честь 30-летия его дебюта на сцене этого театра. Открывая здесь сезон семнадцатый раз, он догнал в этом смысле самого Энрико Карузо. На праздник Доминго пригласил меццо-сопрано из Мариинского театра Ольгу Бородину. Во время чествования после спектакля прямо на сцене Доминго благодарил всех своих прежних партнерш, а Бородину, исполнявшую партию Далилы, назвал "великой певицей". Тем самым знаменитый испанец вновь продемонстрировал благородство и широту своей натуры. Ведь в каком-то смысле русская примадонна, не желая того, "украдала" его бенефис.

Наиболее точно это сформулировала музыкальный критик "Нового русского слова" Майя Прицкер, назвавшая свою рецензию "Праздник в честь Доминго — триумф Бородиной". А корифей критики Бернард Холланд в "Нью-Йорк таймс", назвав саму оперу Сен-Санса "второразрядной" (это, кстати, распространенное мнение), счел, что спасает ее только пение такого класса, который продемонстрировала исполнительница главной партии: "Трудно себе представить лучшую Далилу, чем Ольга Бородина, которая должна была спеть эту партию год назад, но взяла "тайм-аут", чтобы стать матерью". Забыв, чей это бенефис, строгий Холланд уделил герою дня лишь один абзац, а львиную долю похвалы отдал русской певице...

В Нью-Йорке наша землячка несла двойную нагрузку: помимо многочасовых репетиций (после "Самсона и Далилы" Бородина пела Амнерис в "Аиде", где Доминго выступил в амплуа дирижера), она еще и заботилась о своем пятимесячном сыне Максиме, у которого как раз начали резаться зубки, и по этой причине он совсем не считался с тем, что маме нужно хорошо выспаться перед спектаклем. Когда я договаривался об интервью, то оторвал Ольгу от более важного дела: она как раз собралась купать Максима перед сном. В общем, наверное, уже понятно, что Ольга Бородина — сродни тем русским женщинам, которыми восхищался Некрасов. Да к тому еще красива и невероятно талантлива.

Ольга БОРОДИНА: Труд-1998.-211098.-05

С ХВОРОСТОВСКИМ МНЕ ПЕТЬ УДОБНЕЕ, ЧЕМ СО «СПАЙС ГЁРЛЗ»

— Ольга Владимировна, читатели "Труда", разумеется, знают вас и по телевизионным программам, и по публикациям в прессе. Но все-таки это их первая встреча с вами, так сказать, лично на страницах нашей популярной газеты. Поэтому расскажите, пожалуйста, как начинался ваш звездный путь?

— Родители — инженеры, работали на музыкальной фабрике "Красный Октябрь". Были музыкантами-любителями — отец играл в оркестре, а мама пела. Так что вкус к музыке я приобрела дома и действительно с детства хотела стать певицей. Правда, был еще один вариант — балерина. Я даже танцевала в пачках. Но петь все-таки любила больше. Попала в хор Дворца пионеров, занималась несколько лет, потом меня там же взяла в кружок сольного пения. С третьего раза поступила в училище при консерватории, проучилась два курса. После этого, опять же с третьего захода, меня приняли в консерваторию.

На третьем курсе пошла на прослушивание в Мариинский к Темирканову, и он меня взял. А вот выходом на международную сцену я целиком обязана Валерию Гергиеву (с Темиркановым, который тогда руководил театром, проработала всего полгода). Гергиев начал быстро меня продвигать — сразу дал партию Марфы в "Хованщине", потом были "Князь Игорь", "Война и мир". А сольный зарубежный дебют — тот же "Самсон и Далила" в 1991 году в лондонском "Ковент-Гарден", и Самсоном был тоже Пласидо Доминго. До того он меня слышал на конкурсе в Барселоне, где я заняла первое место.

— С Лючано Паваротти вы тоже пели?

— Пока не посчастливилось, но вскоре мы должны встретиться в "Ковент-Гарден", если там закончится реставрация, а весной мне предстоит петь с Паваротти "Аиду" здесь, в "Метрополитен". Он, правда, непредсказуем, может и отказаться в последний момент...

— Как вы чувствуете себя на вокальном Олимпе? Ведь вроде бы дальше и подниматься некуда — сам Пласидо Доминго так высоко о вас отзывался...

— Предела совершенству нет, поэтому идти вперед всегда есть куда. Я чаще недовольна собой, чем наоборот, потому что знаю: могла бы спеть лучше, свои возможности использовать не в полной мере. Если Господь даст силы, я буду стараться петь так, как, мне кажется, я могу и должна.

— Не спрашиваю, кто ваш любимый партнер, вы не захотите обижать остальных, но есть ли у вас самая любимая ария?

— Самая любимая и самая, я бы сказала, удобная для моего голоса партия — Далила, все три ее арии. Я категорически не согласна с отношением критики к этой опере, которую певцы, кстати, очень любят.

— Ну хорошо, вот вы спели в последний раз Амнерис в "Метрополитен", а что дальше?

— У меня много работы. Сейчас почему-то пошла "полоса Амнерис" — и в Венской опере, и в других театрах. В Париже будет "Дон Карлос". На сегодняшний день моя программа распланирована вплоть до 2002 года. Иногда я сама не рада такой плотности загрузки...

— А с Дмитрием Хворостовским какие-то выступления намечаются? Уж очень хорошо вы вместе смотрите на сцене.

— Дня нас с ним в Сан-Франциско будут ставить "Царскую невесту", в "Метрополитен" мы оба заняты в "Пиковой даме", но что касается концертов, с ними пока антракт. Мы очень много вместе пели и в Америке, и в Европе, и старая наша программа обоим безумно надоела — что ему, что мне. А обширного репертуара для меццо и баритона, к сожалению, не существует. Думаем сделать вдвоем гала-концерт в Большом театре, в Москве мы с ним вместе еще не пели.

— С Хворостовским, насколько я знаю, вы не только партнеры, но и друзья. Какие же качества вы в людях цените?

— Прежде всего человеческие, а не "звездные". Наши с ним отношения завязались, когда мы оба еще были никем. Познакомились на конкурсе имени Глинки, если не ошибаюсь, в 1987 году. Он — хороший друг, я знаю, что в трудную минуту всегда будет рядом. Уверена в этом так же, как,

надеюсь, и он уверен во мне. Понимаете, можно перечислять разные качества — надежность, порядочность и так далее. Но слова ничего не объясняют. Мы с ним оба — не идеал, в каждом есть такое, что другому не нравится, но по большому счету мы — как брат и сестра, очень дорожим этим и заботимся друг о друге. Вообще-то я нелегко схожусь с людьми. И тут нет логического объяснения — почему люди сходятся или не сходятся. Может быть, биополе не то, ведь иногда видишь человека впервые, совсем его не знаешь, но думаешь: нет, к этому я близко не подойду. А иногда — наоборот. Так у всех, наверное.

— Ольга Владимировна, у вас сколько угодно приглашений из самых престижных театров мира, а Россия тяжело больна, многие бы на вашем месте, видимо, воспользовались этими возможностями и поселились, скажем, в Париже или Нью-Йорке. А вы неизменно возвращаетесь в свой Петербург, в свою Мариинку. Это что — патриотизм?

— Да нет, просто здесь мой дом. Для меня все равно ни одна другая страна никогда домом не станет. Я слишком люблю свой город, слишком люблю свой театр. Друзья меня ругают за то, что продолжаю жить в российском беспределе, и действительно — просто опасно для жизни, я это сама испытала. Но вот два месяца здесь, в Америке, а уже умираю, как хочется домой. Не могу себе представить, что смогу тут жить все время. Я русский человек, у меня русская душа, и, наверное, дома подпитываюсь энергией для работы.

— Работа у вас каторжная по нагрузке, но вы ее любите. А что еще любит Ольга Бородина — читать, ходить в кино, готовить, путешествовать?

— Рыбу люблю ловить. Вообще лес люблю. С книгами — по-разному, иногда читаю что-нибудь ночь напролет, пока не дочитаю, а бывает, неделю в руки книгу не беру. Со временем у меня очень напряженно. Читаю — по настроению, люблю и детективы, и классику, особенно исторические романы о России.

— Как вы относитесь к поп-музыке? Паваротти, скажем, выступал и со "Спайс-гёрлз", и со Стингом, и с другими поп-звездами. Можно себе представить Бородину поющей на эстраде с какой-то рок-группой?

— Вряд ли я когда-нибудь буду петь со "Спайс-гёрлз" или с кем-то в этом роде, хотя под настроение, в компании друзей могу такую музыку послушать с удовольствием. Но чтобы петь — нет. Между прочим, я раньше пела с инструментальным ансамблем и на эстраде, и даже на свадьбах приходилось — студенткой была, нужно было на хлеб зарабатывать.

— Однажды в Вашингтоне я интервьюировал Паваротти, и он мне сказал, что выступает на стадионах не ради денег, а чтобы как можно больше людей, особенно молодых, приобщить к классической музыке. Вы разделяете убеждение, что вокальная классика должна быть доступной всем, кто ее любит, а не только избранным? Или это все-таки привилегия элиты — слушать таких, как Ольга Бородина?

— Нет, это не привилегия элиты, но мысль насчет стадиона, честно говоря, никогда мне в голову не приходила. Как-то не представляю себя в такой обстановке. Зато представляю другое: во многих театрах, особенно в Лондоне, бывают променады, когда спектакли синхронно транслируются на огромных уличных экранах, все желающие могут послушать. Вот так мы с Доминго пели "Самсона и Далилу" — вся площадь перед "Ковент-Гарден" была заполнена народом, а в самом театре по дешевым билетам люди сидели не только в креслах, но и на полу, стояли в проходах. Не мешало бы и нам иногда этому примеру следовать.

— Прежде чем поблагодарить вас, позвольте еще один вопрос. Читатели "Труда", к сожалению, далеко не все и на стадион смогли бы попасть: это миллионы людей, на которых Россия держится, но которые живут на небольшую зарплату, если, конечно, ее выдают. Что бы вы им предложили в эту нелегкую для них пору?

— Наверное, терпения, потому что всегда нужно надеяться на лучшее. Сейчас такое время, которое нужно перетерпеть, переждать. Не бывает, чтобы плохо в жизни было навсегда, а сейчас настолько плохо, что должно, значит, повернуться к лучшему. Будем ждать и верить...

Беседу вел Виссарион СИСНЁВ, соб. корр. "Труда". ВАШИНГТОН.